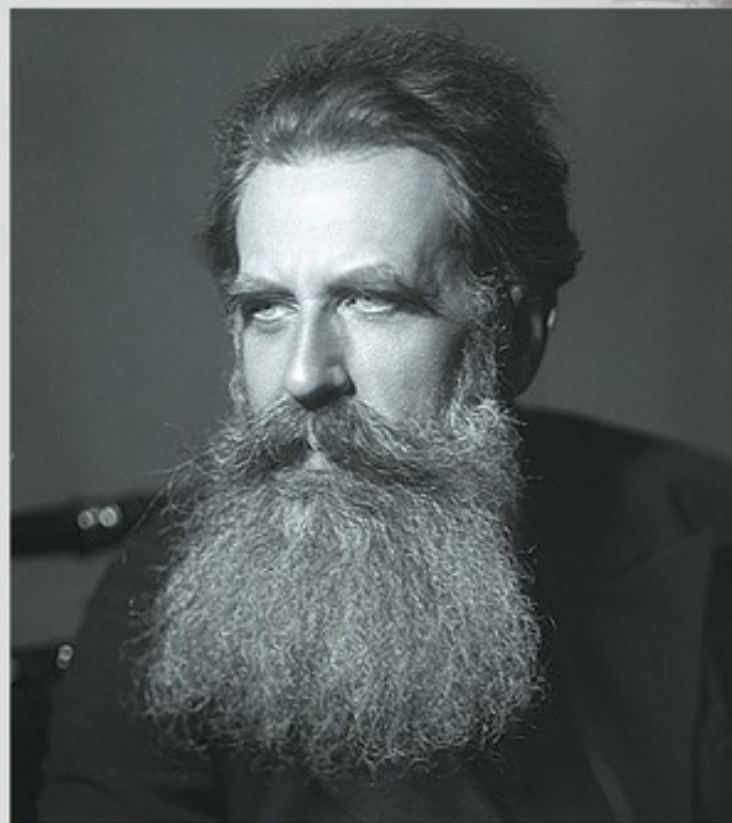

ОТТО ШМИДТ

Владислав КОРЯКИН

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

Великие исторические персоны

Владислав Корякин

Отто Шмидт

«ВЕЧЕ»

2011

Корякин В. С.

Отто Шмидт / В. С. Корякин — «ВЕЧЕ», 2011 — (Великие исторические персоны)

ISBN 978-5-9533-5770-8

Знаменитый полярник, директор Арктического института, талантливый руководитель легендарной экспедиции на «Челюскине», обеспечивший спасение людей после гибели судна и их выживание в беспрецедентно сложных условиях ледового дрейфа... Отто Юльевич Шмидт – поистине человек-символ, олицетворение нестигаемого мужества целых поколений российских землепроходцев и лучших традиций отечественной науки, образ идеального ученого – безукоризненно честного перед собой и своими коллегами, перед темой своих исследований. В новой книге почетного полярника, доктора географических наук Владислава Сергеевича Корякина, которую «Вече» издает совместно с Русским географическим обществом, жизнеописание выдающегося ученого и путешественника представлено исключительно полно. Академик Гурий Иванович Марчук в предисловии к книге напоминает, что О.Ю. Шмидт был первопроходцем не только на просторах северных морей, но и в такой «кабинетной» науке, как математика, – еще до начала его арктической эпопеи, – а впоследствии и в геофизике. Послесловие, написанное доктором исторических наук Сигурдом Оттовичем Шмидтом, сыном ученого, подчеркивает столь необычную для нашего времени энциклопедичность его познаний и многогранной деятельности, уникальность самой его личности, ярко и индивидуально проявившей себя в трудный и героический период отечественной истории.

ISBN 978-5-9533-5770-8

© Корякин В. С., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Предисловие[1]	6
Вместо введения	8
Глава 1	12
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владислав Корякин

Отто Шмидт

Предисловие¹

Я являюсь представителем того, тогда еще очень молодого поколения, которое впервые встретилось с О.Ю. Шмидтом, только начиная свой путь, и Отто Юльевич сыграл в моей биографии весьма немаловажную роль. Но прежде всего о самом О.Ю. Шмидте. Конечно, это был совершенно выдающийся, я бы даже сказал, гениальный человек. Почему он был гениальным человеком? Потому что он был первопроходцем, это был человек, который открывал целые пласты науки и научно-технического прогресса. Я не знаю такой сферы, где бы он ни приложил свой глубокий ум и талант – или к решению какой-либо проблемы, или сам непосредственно инициировал создание новых направлений науки. Возьмите математику: мне, как математику, всегда страшно импонировало, что первые результаты по абстрактной теории групп, которые сыграли выдающуюся роль не только в развитии науки в нашей стране, но и стали известны всюду, во всем мире, на них ссылались выдающиеся ученые, математики, учились по ним, – так вот эти основы были заложены О.Ю. Шмидтом. Он начал именно с математики, но жизнь быстро переместила его на новые проблемы. Может быть, второй проблемой, которая действительно его волновала, стало образование, подготовка кадров, и он еще с самого начала, когда работал в Наркомпросе, Наркомпроде и других организациях только начинающей жить нашей молодой республики, уделял этому свое внимание, прилагал свои силы и способности в области образования.

Но потом О.Ю. Шмидт занялся Арктикой. Он был, как вы знаете, директором Арктического института, и уже там, по-видимому, у него созревали далекоидущие планы покорения Арктики человеком. Но вот – пожалуй, это я помню хорошо, я был школьником – ледокол (трудно, правда, сказать, ледокол это или нет) «Георгий Седов» бороздил бассейн Карского моря, и там впервые открывались острова и структуры Карского моря, и было показано впервые – и опять говорю, впервые показано О.Ю. Шмидтом, – что можно исследовать Северный Ледовитый океан и его окрестности с помощью той техники, которая в то время была. А потом – я думаю, что это всем нам памятно, – экспедиция «Сибирякова», которая знаменует первый, уже действительно первый крупнейший поход. Из Европы к Тихому океану фактически был проложен Северной морской путь. Затем... О.Ю. Шмидт возвращается к Северному морскому пути, уже проводя эсминцы с запада нашей страны в Тихий океан.

И наконец, я думаю, что самая выдающаяся эпопея – это эпопея челюскинцев, когда уже не ледокол, а обычный пароход пытается прорваться через льды, сквозь огромные торосы по Северному Ледовитому океану. «Челюскин» затонул, вы знаете это, но 104 человека были спасены, в первую очередь благодаря мужеству руководителя экспедиции О.Ю. Шмидта.

Я не могу не вспомнить следующий этап его деятельности, когда он освоил Северный полюс. Ведь это была первая научная воздушная экспедиция, когда была произведена высадка, первый десант наших ученых на Северном полюсе, и появилась станция «Северный полюс-1». С тех пор уже много-много лет мы имеем систему, которая была открыта практически О.Ю. Шмидтом.

И наконец, я, как аспирант Геофизического института, – который, как известно, родился из Института теоретической геофизики, организатором которого был О.Ю. Шмидт, – посещал

¹ Вступительное слово президента Академии наук СССР академика Гурия Ивановича Марчука на заседании, посвященном столетию со дня рождения О.Ю. Шмидта (1991 г.).

его семинары на совершенно уникальную тему – космология, космогония, как по-всякому ее называли, где О.Ю. Шмидт продвигался буквально как танк, чтобы свои идеи внести в построение модели Солнечной системы. На эти семинары ломились люди из разных учреждений нашей страны – это были геофизики, геологи, это были и мы, аспиранты, которые стремились вобрать что-то новое.

И вы посмотрите: – если всё это себе представить, этапы пути, грани его, огромные заслуги этого легендарного человека, которые были отмечены наградами, то мы увидим действительно уникальную личность, исследователя и ученого. Человека, который всегда хотел что-то новое – и открывал, а потом подкрепляли его всё новые и новые люди, таким образом, он поднял очень много направлений. Да и вице-президентом Академии наук он был два или три года. Это говорит о том, что его реноме как ученого – не только как полярника, исследователя было высоким.

В заключение хочу сказать, что мне повезло с Отто Юльевичем встретиться в 1954 году. В то время он был, если я не ошибаюсь, заведующим отделением геофизики в Московском государственном университете. Я работал в Географическом институте, и О.Ю. Шмидт пригласил меня домой на чашечку чаю и предложил мне работать в его отделе. На меня, еще очень молодого человека, знакомство с легендарной личностью произвело потрясающее впечатление. О.Ю. Шмидт был совершенно удивительным человеком – деликатный, интеллигентный, тактичный, умный. Он предложил мне перейти. Я только что закончил кандидатскую диссертацию и согласился с удовольствием. Через полгода меня избрали доцентом. Я помню, как он позвонил сам, лично, поздравить меня и сказал: «Мы ждем вас на работу». Но через три недели было решение правительства, и меня отправили совсем в другое место – в лабораторию, где я долгих девять с половиной лет занимался атомной энергией. Я очень пожалел, что пересечение наших путей было столь коротким, но я увидел и убедился, что природа рождает таких великодушных людей. Я бы считал, что это был гениальный человек, который всегда что-то открывал, всегда что-то искал и оставил неизгладимый след в науке и в развитии производительных сил нашей страны. Я думаю, что мы долго будем помнить его. Придут будущие поколения и будут помнить вклад О.Ю. Шмидта в этом большом созидательном труде.

Г.И. Марчук

Вместо введения

Почему именно О.Ю. Шмидт?

В первых числах сентября 1956 года автор этих строк в составе небольшого отряда, направлявшегося с целью рекогносцировки на один из арктических архипелагов, оказался на Диксоне, который в те годы нередко называли столицей нашей западной Арктики. Мы жили в гостинице в ожидании самолета, осваиваясь с новой, непривычной обстановкой, и в свободное время, прогуливаясь, пытались постичь окружающую арктическую реальность, знакомую только по книгам и фотоальбомам. Все мы были новичками – полярниками нам предстояло только стать... Однажды на такой прогулке мы услышали целый хор судовых гудков многочисленных сухогрузов и ледоколов, стоявших на якорях в проливе, который отделял остров от материка. Вскоре к ним присоединились сирены из поселка на материке и в обсерватории. Определенно происходило нечто необычайное, и мы направились в гостиницу, готовясь к самому худшему, ибо холодная война еще не закончилась. Проходя мимо обсерватории, мы увидели вывешенный флаг в обрамлении черных траурных лент и в ответ на наш недоуменный вопрос услышали:

– Шмидт умер...

Один из нас решил уточнить:

– Тот самый?

Человек, к которому был обращен вопрос, лишь выразительно покрутил пальцем у виска, сплюнул, и, смерив нас взглядом, поинтересовался, давно ли мы с Большой земли. Удовлетворившись ответом, он лишь бросил на ходу:

– Тот самый, и другого не будет...

Продолжение этой «темы» ожидало нас в гостинице. Скорбь «старичков» довоенного призыва Главсевморпути, пребывавших в возрасте преимущественно около полувека, была вполне искренней и сердечной. Это было тем удивительнее, что Шмидт покинул Арктику почти двадцать лет назад! Здесь его помнили и, я бы сказал, почитали, – это было очевидно. Не слишком светские поминки сопровождались лавиной воспоминаний о покойном, с такими деталями и ситуациями, о которых было невозможно узнать со страниц официальных изданий. Запомнилась не вполне трезвая, но прочувствованная речь одного из ветеранов, обращенная к присутствующим:

– Да, ребята! Считайте, нам крупно повезло, потому что нами в ту пору командовал «и академик, и герой, и мореплаватель...», жизнь которого – сплошное приключение. Он прошел и огни, и воды, и медные трубы, и даже волчьи зубы и оставался Шмидтом всю жизнь. Очень нам повезло, и вот им (последовал кивок в нашу сторону) уже как придется... Может, они ребята и неплохие, но почему фунт полярного лиха еще полной мерой не отведали, не узнали, что почему на нашей полярной службе... Сейчас они выбрали Арктику, а Арктика им своего слова не сказала, а уж мы-то точно знаем, что последнее слово за ней... Всякое в нашей полярной службе бывало, но за Отто Юльевичем мы были как за каменной стеной, для нас это главное...

Его собеседники-собутельники в клубах махорочного дыма дружно закивали в знак одобрения. Затем полярный ветеран продолжил свою не слишком складную, но прочувствованную речь:

– Не знаю, каким он был там в Кремле, чего не знаю, того не знаю, но здесь он был на месте, под Полярной звездой... и сам заслужил Золотую Звезду – одним словом, звездный был мужчина... Ни разу себя не уронил, что на «Челюскине», что на полюсе, что в тридцать седьмом, когда флот в Арктике замерз... Отто Юльевич, Отто Юльевич, вечная тебе память.

Когда мы с ним начинали, времена на Большой земле были такие, что вспоминать не хочется: холод, голод, карточная система и распределители, великое переселение сбежавших от коллективизации, не считая ГУЛАГа с его лагерями. А Шмидт завел свой порядок – в Севморпути только добровольцы, не считая коммунистов по партийной мобилизации. Поэтому у нас и был отборный народ, да и спрос на высшее образование в нашей системе был всегда. А какие люди шли к нам из недорезанных – Визе, Урванцев, Евгенов, да и бывшим красным партизанам вроде Ушакова или Папанина было на кого равняться! А Отто Юльевич ни нас не забывал, ни наших родных на материке – пробил-таки красноармейский паек нашим семьям, пока мы зимовали, а на Большой земле люди голодали...

Определенно мы присутствовали при настоящей лавине новой для нас информации, которую нельзя было получить из официальных изданий, включая даже «Арктическую библию», как называли полярники книгу В.Ю. Визе «Моря Советской Арктики», выдержавшую три издания. Тем временем полярный ветеран продолжал свою поминальную речь:

– Наша служба, конечно, не сахар... Пока разгружались да строились – аврал он и есть аврал. Зато на полярке у каждого отдельная каюта, хоть размером с носовой платок, не то, что на Большой земле: в лучшем случае комната на семью в вонючем бараке. Да и заработок по тем временам за два года вполне приличный, другое дело как распорядишься... Поэтому на полярника в довоенную пору смотрели как в наше время на атомщика или ракетчика.

Однако, думаю, везло Отто Юльевичу больше не на Большой земле, а здесь, в Арктике, – не только он ее выбрал, но и она приняла его, а она дама с норовом, угодить на нее дано не каждому. Похоже, в Москве ему удачи было меньше, хоть уцелел в 1937 году. Новый ледокол назвали на стапеле – «Шмидт», а спускали уже – «Микоян»... И сменщик-то его Папанин нас иначе как шмидтовцами не именовал, а сам продолжал да развивал то, что досталось. Целая эпоха с Отто Юльевичем ушла... Помянем его добрым словом, и вечная ему память...

Определенно это был какой-то другой взгляд на личность известного полярника, каким мы его знали со страниц разных изданий, не только научных. За словами бывалых профессионалов, вызывавшими одновременно доверие и удивление, вставал гораздо более человечный образ, со своими деталями и подробностями, далекими от официальных реляций. И у нас не было оснований не верить его бывшим соратникам и сотрудникам, прошедшим с ним через испытания белым пеклом (о чем мы более или менее уже знали), хотя, возможно, не меньшие испытания он прошел в Кремле (о чем мы не догадывались).

Расставшись с Арктикой много лет назад, он остался в сердцах и в благодарной памяти неизбалованных судьбой людей, на которых он когда-то положился и которые сделали его тем самым Шмидтом, известным всей стране. Прав был захмелевший ветеран полярной службы (и кто бы его осудил?) – со Шмидтом ушла целая эпоха в Советской Арктике, которую он обозначил на десятилетия вперед.

Уже во время продолжительной зимовки на одном из самых суровых архипелагов Арктики, когда мы на собственном опыте постигали почем фунт полярного лиха, особенно во время долгой полярной ночи, когда было больше свободного времени, имя Шмидта неоднократно всплывало в наших разговорах, вызывая порой жаркие дискуссии.

– Какой же он ученый, – порой с жаром утверждали одни, – если он не оставил ни законов формирования льдов, ни исследований в области погодного прогноза, как Визе или Зубов...

– Ни Магеллан, ни Колумб также не замечены в подобном, – не менее пылко отвечали оппоненты. – За него это сделали другие, которых он направил в Арктику. А Северный морской путь, а первая дрейфующая станция «Северный полюс»?

Были и такие, кто видел в нем лишь функционера, откликавшегося на пожелания Великого Диктатора, вершившего судьбы не только собственной страны, но мира. Это особенно характерно для некоторых постсоветских изданий, например для книг М.М. Ермолаева, А.М. Ермолаева и В.Д. Дибнера.

Сложность отношений О.Ю. Шмидта с «властями предрежащими» особенно отчетливо проявилась в его кратковременном взлете на академическом Олимпе в должности первого вице-президента Академии наук СССР. Интересно, что при всей своей известности и популярности у народа (включая интеллигенцию) он не проявлял активности в партийной и политической (но не в общественной) жизни. Более того, как показал анализ его выступлений и публикаций, избегал славословий в адрес Великого Диктатора и правящей коммунистической партии. Там же, где ему это приписывалось, легко угадывалась роль Политуправления Главсевморпути с его «комиссаром» С.А. Бергавиновым. Определенно для страшных 30-х годов прошлого века («бывали хуже времена, но не было подлей») с их взлетами и падениями и такими же противоречиями в стране и обществе это была по-своему знаковая фигура, которая многое позволяет понять и оценить заново в истории советского периода.

Еще один повод для выбора героя настоящей книги – взаимоотношение российской интеллигенции с властью на переломных этапах истории. Эта тема, по-видимому, неисчерпаемая благодаря обилию биографической и художественной литературы, изобилует самыми яркими примерами, известными читателю по истории превращения Российской империи в СССР. Здесь и фрондирующий лауреат Нобелевской премии академик И.П. Павлов вместе с другим академиком и политическим «перевертышем» А.Н. Толстым, здесь и самые искренние апологеты новой власти К.А. Тимирязев и В.Я. Брюсов, здесь и порожденные ею «ученые» из недоброй памяти школы Т.Д. Лысенко, а с ними соседствуют пассажиры знаменитого «философского парохода»... Многочисленные представители старой российской академической интеллигенции служили советской власти верой и правдой, не выражая к ней своего отношения публично, полагая, что служат России и российской науке и культуре.

По совокупности причин среди этой весьма пестрой и неординарной публики личность О.Ю. Шмидта выделяется присущим ей колоритом, в первую очередь полярным. Его новаторская деятельность в новой для него сфере протекала в условиях грандиозного социально-общественного эксперимента, проводившегося по воле ВКП (б) и ее руководства над страной и народом. Поэтому и настоящая книга получилась не столько об Арктике, сколько о советском обществе, даже если читатель придет к другому заключению. Автор, отстаивая свою точку зрения, не стремился навязать ее читателю, отдавая первенство новым фактам, информации из ведомственных архивов и собственному опыту.

Однако прежде, чем перейти к биографии одного из самых известных людей начального периода советской эпохи, отмечу главную трудность темы. Это особые отношения со Сталиным, несомненно, Великим Диктатором своего времени, которого невозможно спутать с известным героем одноименного чаплинского фильма. Думаю, что в оценке этой действительно огромной исторической личности наиболее емко и близко по сути высказался в одном из своих писем Константин Симонов: «Человек он был великий и страшный» (1990, с. 678). С этим лидером огромной страны, ответственным за судьбы миллионов людей, Шмидт встречался, разговаривал, получал задания и советы, возможно, в чем-то спорил, и не только...

Во всем перечисленном автор и пытался разобраться на страницах предлагаемого читателю издания, используя пример жизни незаурядной харизматической личности.

Существует определенная связь поколений полярных исследователей, о которой мне однажды уже пришлось высказаться: «Без Русанова не было бы Самойловича, каким мы его знаем, и, вероятно, Шмидт не стал бы тем самым Шмидтом, который вошел в историю таким, каким вошел. Каждому из них – свое, поскольку “мы дети страшных лет России, забыть не в силах ничего...” – значит, все они остаются с нами»² (2005, с. 354). Следуя этой концепции,

² Корякин В. Русанов. М.: Наука, 2005. [Серия ЖЗЛ]

автор опубликовал ряд научных биографий наших предшественников³ в Арктике, продолжив свое намерение настоящей книгой.

В завершение вводного раздела автор благодарит профессора Сигурда Оттовича Шмидта за консультации и предоставленные материалы (включая бумаги из семейного архива), а также за многочисленные замечания при обсуждении настоящей книги, разнообразные советы, рекомендации, многочисленные фото из семейных собраний родственников главного героя книги. Без помощи С.О. Шмидта книга, вероятно, не состоялась бы в настоящем виде. Автор также благодарит В.В. Шмидт и К.А. Левинсона за помощь в редактировании книги.

³ Корякин В. Владимир Александрович Русанов. М.: Наука, 1987; Корякин В. Рудольф Лазаревич Самойлович. М.: Наука, 2007.

Глава 1

В начале жизненного пути

*Блажен, кто посетил сей мир.
В его минуты роковые...*

Ф. Тютчев

*Я знаю, что неопытен и молод,
Однако время принесет мне зрелость.*

У. Шекспир

Герой настоящей книги появился на свет 18 (30) сентября 1891 года в губернском городе Могилеве (нынешняя Республика Беларусь) в лютеранской семье выходцев из Лифляндской губернии. Его отец Юлиус Фридрихович Шмидт вел свое происхождение от немцев, получивших русское подданство в XVIII веке, но оставшихся (в отличие от многих представителей родовитого остзейского дворянства, проявивших себя на флотской или академической службе) в крестьянском звании, формально относясь к колонистам. В дореволюционном документе один из представителей рода Шмидтов именуется «почетный гражданин». Крестьянкой по происхождению была и избранница Юлиуса, латышка по национальности Анна Фридриховна, урожденная Эргле, женщина властная, суровая, настоящая глава семьи. В опубликованной автобиографии сам будущий полярник и Герой Советского Союза особо отметил: «Языком, на котором я не только говорил, но думал и писал, стал русский. По паспорту я являюсь русским, в соответствии с моим самосознанием». Известно, что лютеранские выходцы из Прибалтики отличались своеобразной религиозностью, влияния которой поначалу не избежал и юный Отто, со временем, однако, уже в пору возмужания и переоценки моральных ценностей, расставшийся с былыми взглядами в поисках новых идеалов.

Семейные традиции в совокупности с многонациональным окружением запада и юга бывшей Российской империи способствовали выработке в юности у Отто своеобразного бытового интернационализма, со временем ставшего частью его мировоззрения. Это обстоятельство характерно для наших полярников не только в советское время, но и до революции. На общем русском фоне среди наших полярных исследователей, начиная с моряков Великой Северной экспедиции XVIII века (принадлежавших в основном к служивому мелкопоместному дворянству), отчетливо прослеживается весь национальный состав России от ученых-прибалтов К.М. Бэра, Э.В. Толля и А.Ф. Миддендорфа до представителей малых северных народов (чукча Дауркин, ненец Вылка). Во все времена национальность в экстремальных условиях Арктики отходила под напором стихий если не на десятый, то на второй план. С другой стороны, семейное многоязычие (где говорили на немецком, русском и латышском языках) в будущем пригодилось юному Отто, привив вкус к изучению других языков и облегчив их усвоение.

Немцу такого почти крестьянского происхождения, обремененному многочисленной семьей (пятеро детей, один из которых умер в трехлетнем возрасте), в родных прибалтийских землях было трудно сводить концы с концами, что и заставило главу семейства стать торговым агентом в мелких писчебумажных фирмах Могилева, Одессы, а позднее – Киева. С учетом доходов отца семейства его дети в лучшем случае могли рассчитывать на карьеру ремесленника. Средств семьи было недостаточно, чтобы дать всем детям гимназическое образование, и на семейном совете было решено учить Отто. «Все мы люди небогатые, – высказался на семейном совете его дед по материнской линии, – но если сложимся вместе, то одному из детей мы

можем дать образование. И нужно дать образование этому мальчику, он способный» (Подвига, Виноградов, 1960, с. 4).

Надо сказать, что в отличие от некоторых других полярников (например, Русанова или Самойловича) у Шмидта не наблюдалось влечения к активной революционной деятельности, хотя, несомненно, он был свидетелем восстания на броненосце «Потемкин» в Одессе, а также революционного брожения в городе, еврейских погромов и убийства Столыпина в Киеве. Все увиденное и пережитое повлияло на общественно-политические взгляды юноши, типичные для интеллигенции того времени, сочувственно относившейся к нараставшему революционному движению.

В связи с переездами семьи ему довелось посещать гимназии в Могилеве, Одессе и Киеве. Считается, что именно одесская гимназия привила ему вкус к древним языкам. Там наряду с обязательным латинским юный Отто стал изучать еще и древнегреческий. Этим дело не ограничилось – в гимназическом оркестре Отто играл на контрабасе, увлекался классической музыкой и литературой. Во 2-й киевской гимназии (расположенной в центре города неподалеку от 1-й, где почти одновременно с ним обучались будущие светила русской литературы Булгаков и Паустовский) уже в седьмом классе Отто поразил воображение своих одноклассников, с ходу предложив самостоятельное решение теоремы, не зная решения по школьной программе, поскольку отсутствовал из-за болезни. Кто испытал большее удивление от такого смелого и самонадеянного поступка – соученики или преподаватель, – неизвестно, но сам слушай остался в неписаных анналах гимназии. Неудивительно, что гимназию Шмидт закончил с золотой медалью, оправдав надежды своих родителей. Определенно в молодые годы он резко отличался своим поведением и образом жизни от других известных полярников – Русанова или Самойловича, доставивших в молодости немало хлопот что родным, что властям. И хотя все они получили образование в самых авторитетных высших учебных заведениях, разница в их характерах, наклонностях и жизненных устремлениях настолько очевидна, что легко объясняет многое в их дальнейшей полярной карьере и жизненном финале на фоне событий своего времени...

А пока молодость кружит голову взрослому гимназисту, пейзаж весеннего Киева с обрывами над Днепром и Владимирской горкой вызывает в нем жажду жизни со всеми ее надеждами и тревогами:

Там в кленовом оцепленье
Лица девочек смуглы,
Там ложатся чьи-то тени
На кленовые стволы.
Репродуктор напевает,
И, придерживая крест,
Князь Владимир застывает,
Словно слушает оркестр.
Гимназисты и старушки,
Пионеры, юнкера,
Близлежащие церквушки,
Белошвейки, шофера,
Горку держат на примете
Напролет под соловьи...

(В. Каденко)

Поэт специально спутал приметы времени, чтобы отразить не стареющее с годами очарование киевских круч над Днепром. Можно ожидать, что на этом фоне юный Отто не только поддавался воздействию очаровательных сверстниц, но и сам пользовался заслуженным вниманием, сохранив эту способность и в более зрелом возрасте. Не обладая, однако, даром Мопассана, автор не рискует развивать эту достойную тему применительно к герою настоящей книги. Здесь стоит ограничиться свидетельством очевидца: «К Отто Юльевичу тянулись незаурядные женщины... Неустанность его романов, тем более длительная верность тем, с кем сблизился, порядочность его поведения по отношению к внебрачным детям, делали его натуру в глазах других еще более неординарной» (Шмидт, с. 250–251, рукопись). Се ля ви, как говорят об этой теме на родине Мопассана...

В 1909 году молодой Отто Шмидт становится студентом физико-математического факультета университета Святого Владимира, с самого начала приняв активное участие в работе семинара профессора Д.А. Граве по вопросам алгебры и теории чисел, на котором преобладали студенты старших курсов. Активный, интересующийся студент с самого начала видел в математике некий исследовательский аппарат, имеющий самое непосредственное отношение к запросам практики в широком спектре применения – в пределах от проблем денежной эмиссии и до расчетов нагрузок на судно в условиях ледового плавания, чем ему позднее пришлось заниматься. Так что его выбор был не просто оправдан, но и свидетельствовал о стремлении к поиску некоей истины на основе точного знания.

«На этом семинаре, – вспоминал позднее член-корреспондент АН СССР Б.Н. Делоне, – и появился студент О.Ю. Шмидт, который выделялся не только своими математическими способностями, но и волевыми качествами. Он разбирал теорию групп в последовательно делаемых им на семинаре Д.А. Граве докладах» (1959, с. 178).

В своем дневнике студент-первокурсник, разумеется, не мог не остановиться на впечатлениях от экзаменов, тем более, что (дата записи 2 мая 1910 года) «...все время, начиная с марта или раньше, я занимался, не переставая и не отдыхая. И все-таки я не пришел к удовлетворительным результатам: предметы мои слишком обширны, они требуют больше времени. Уроки также отнимают много времени, но это, возможно, неплохо, оберегает от отупения за одной и той же работой. Во всяком случае, жаловаться не хочу. Если провалюсь, то никого винить не стану». Хотя опасения студента-первокурсника не оправдались, его первые самооценки, судя по записи 17 мая, по-видимому, несколько завышены: «Я вышел из аудитории сияя. Этим экзаменом я мог быть доволен. Я смог продемонстрировать познания по всем дисциплинам, и они отлично выдержали испытания». Отметим пока свойство студента, не однажды пригодившееся ему впоследствии: не жалеть усилий именно на этапе подготовки для обеспечения будущего успеха.

Не только учеба волнует его, но показательно, до какой степени среди житейских проблем главное все-таки принадлежит учебе, о которой он не забывает даже через несколько дней после завершения экзаменационной сессии и в совсем иной обстановке: «28 мая. Сейчас читаю “Отрочество” и “Юность” Толстого. Своеобразное впечатление производит на меня сходство духовного развития и даже любимых идей у меня и у героя. Весь тон книги говорит о том, что это все быстро проходит и потом человек смотрит на свою философию сверху вниз, едва ли не как на ошибки молодости. Может быть, это и правда. Но в энтузиазме и в вере в себя и заключается привилегия и прелесть юности. Пускай потом я проделаю неожиданную эволюцию, но пока я твердо держусь за свои взгляды...

Постепенно приступаю к своим летним работам. Я составил себе очень обширную программу, хотя или, вернее, потому что – всю ее я не выполню. Предметы моих занятий будут следующие: 1) дифференциальное исчисление, 2) высшая алгебра, 3) английский язык, 4) русская литература, 5) немецкая и другая литература и история литературы, 6) история философии, 7) немецкий язык, 8) греческий язык. Если половина этого сможет быть как следует

выполнена, я смогу быть доволен, потому что спорт, поездки в Святошино и тому подобное в программу не включено, а занимает большую часть времени». Определенно это почерк максималиста, но еще (особо отметим на будущее!) и энциклопедиста по охвату проблем и намерений, во многом позднее воплощенных в жизнь, а это немало!!!

Еще одно качество будущего Шмидта отражает дневник – весь жизненный расчет только на собственные силы, например в части обеспечения жизненных запросов, включая оплату учебы в университете заработками за репетиторство: «20 августа... Был уговор, что в университете я сам буду обеспечивать свои расходы, только на первое обзаведение я получил сто рублей... Выяснилось, что мне нужно не 240, а 330 рублей – и я их заработал! Этот внешний успех, достигнутый в тяжелых обстоятельствах, естественно, укрепил мою веру в собственные силы». Определенно студент (пока студент!) умеет не только планировать, но и проводить в жизнь намеченное, и уже поэтому от него можно ожидать большого будущего, если обстоятельства не окажутся сильнее, как это бывает нередко в жизни.

И как это бывает у всех в молодости, сомнения: люблю или не люблю (или любят или не любят меня) ... – все как у людей, но не только...

«6 октября. Весной я запланировал заниматься в этом году философией, эстетикой и тому подобным, а в следующем – изучать политическую экономию, социологию и т. д. Пока я выполняю свою программу удовлетворительно, но почти жалею, что не изучал летом политические науки. Сейчас время совершенно аполитичное, но без четких политических убеждений все-таки жить тяжело, а для четких убеждений необходимы хоть какие-нибудь познания...

7 октября. Интерес к общественно полезной деятельности у студентов пропал совершенно. Чтобы оживить интерес к политике у себя и у своих друзей, я подумывал... основать кружок – без конкретной цели, чтобы иметь возможность обмена мнениями, будящими мысль. Я при этом надеялся, что мы будем больше заниматься общественными науками и, когда снова придет время работы, не будем относиться к движению как чему-то непонятному и чужому... Каждый на своем месте будучи студентом, ученым и т. д., все же должен чувствовать себя звеном целого и должен быть готов по мере сил этому целому служить». Таковы были довольно наивные, но вполне самостоятельные намерения молодого человека еще на студенческом уровне в части служения обществу, во многом оправдавшиеся в будущем.

«24 октября. Философские беседы с папой становятся все реже. Отчасти причина заключается в обилии забот и тревог, которые занимают наши мысли и разговоры, но отчасти причина лежит и глубже: отцы и дети редко способны понять друг друга. Мировоззрения совершенно разные, единение невозможно, да даже и нежелательно, ибо разрушать веру старого человека, не приняв ее, – нехорошее дело... Он проповедует по Библии и не хочет понимать мои рациональные аргументы. Чаще, нежели о религии, мы говорим теперь о политических вопросах, но у папы все пропитано религией...»

Вернувшись к учебе студент, мировоззрение и характер которого становятся все более зрелыми, определенно не сдает позиций, самостоятельно овладевает новыми высотами науки. Например, он работает с огромной монографией Бернсайда по теории групп (сохранившую свое значение и поныне) и с солидным томом Журдана «Trate des substitutions»: определенно перспективный «студент» на полную мощь задействовал запас знаний иностранных языков, полученный в гимназии. Более того, спустя два года Шмидт вознамерился использовать работу Бернсайда вместе с целым рядом журнальных статей из иностранных источников (включая, например, доказательства Ремака, ученика известного математика Исаии Шура) для создания собственной книги по теории групп, небольшой по размерам, но классически отработанной. Уже в 1912 году Шмидт в «Трудах Киевского университета» опубликовал новое доказательство теоремы по теории групп, гораздо более изящное, чем у Ремака. Кроме того, он продолжил одно из исследований Журдана в работе «Об уравнениях, решаемых в радикалах, степень которых есть степень простого числа». Результат – золотая университетская медаль и решение

печатать работу за счет университета. Очень неплохое начало для будущего научного светила первой величины!

Похоже, как в научных вопросах, так и в жизненных подходах у начинающего исследователя (а таким он уже, несомненно, был) складывался свой специфичный подход к явлениям и проблемам. Вопреки позиции большинства, привыкшего анализировать ситуацию на основе отдельных примеров, похоже, даже в раннем возрасте Отто Юльевич уже вырабатывал свои оценки на основе синтеза, исследуя, прежде всего, взаимосвязи известных компонентов явления, чтобы понять его в целом. Такой подход прослеживается у него вполне отчетливо и позднее, особенно в 30-х годах, когда он занимался проблемами, с первого взгляда далекими от теории групп или каких-то других разделов высшей математики. Такой вывод подтверждается его выводами и оценками, сделанными на вершине жизненных и научных достижений: «Нельзя быть культурным человеком без знания основных результатов всех наук. Культура едина. **Синтетична** (подчеркнуто мной. – В.К.). Нет отдельной культуры для инженера и медика. Все вместе науки формируют культуру, ее идеологию-мировоззрение» (по Яницкому, 1959, с. 19). Этот же источник отмечает: «несмотря на то что искусству и литературе Отто Юльевич мог уделять в течение всей своей жизни лишь немного времени – столько, сколько оставалось от занятий наукой и государственно-общественной деятельностью, – он и в этой области выделялся своей высокой культурой» (с. 49). Характерно, что в будущем Отто Юльевич многократно возвращался к прочитанным в юности книгам, предпочитая представителей русской классики, а из зарубежных – Гете, которого он читал на языке оригинала. Позднее его любимыми современными авторами оказались молодой Маяковский (особенно «Облако в штанах») и Есенин. В музыке он ценил оперу Глинки «Руслан и Людмила», творчество Мусоргского, а также романсы Грига.

К киевскому периоду его жизни относится дружба с семейством военного врача генерала Яницкого. Молодой отпрыск этого семейства, Николай (будущий видный экономгеограф советской поры, профессор и доктор наук) сохранил с Отто Юльевичем дружбу на всю жизнь, в своих воспоминаниях он опубликовал целый ряд ценных сведений о жизни будущего полярника. Молодой человек увлекся сестрой Николая – Верой. Ей в обозримом будущем предстояло стать спутницей жизни Отто. К этому же периоду относится и появление знаменитой бороды будущего полярника. В 1913 году выпускник университета по болезни надолго угодил в военный госпиталь, где долгое время не брился. Отросшая борода, по мнению посетителей, лишь украсила его лицо, оставшись на нем на всю жизнь. Не исключено, что именно тогда в его организме и поселилась та самая хворь, которая доставила ему немало хлопот в Арктике и в конечном счете раньше времени свела его в могилу.

Определенный рационализм отличал начинающего математика в подходе к собственному образованию в избранной области знаний. В литературе нередко цитируют рассказ начинающего студента Шмидта, отражающий не столько его юношеский максимализм (кто из молодых людей не грешил этим на пороге самостоятельной жизни!), сколько своеобразный рациональный подход, типичный для немца: «Я сел подсчитывать – ведь все же я был математиком. Оказалось, необходимо 1000 лет, чтобы все намеченное одолеть... Тысячу лет прожить нельзя, и все знать невозможно. С болью в душе я стал вычеркивать то, что хотя и интересно, и нужно, но без чего все же можно обойтись. Оставил себе только то, без чего не мыслил себе пути в науку. Вновь подсчитал... Осталось еще на 250 лет» (1959, с. 18). Однако нельзя, например, ограничивать себя во времени при изучении иностранных языков (коренного недостатка в подготовке, например, технических кадров в советское время). «Самый лучший способ изучать языки – это начинать прямо с чтения книг. Сначала ничего не понимаешь. Постепенно накапливается большое количество знакомых слов. Потом можно прибегнуть к словарю» (1959, с. 19–20).

В результате, по заключению Делоне, «...к окончанию университета О.Ю. Шмидт имел три интересные печатные работы по математике, был одним из немногих математиков мира, осиливших большой труд Журдана по теории подстановок, и уже в большей части написал свою превосходную книгу “Абстрактная теория групп”. Ему было тогда 22 года» (1959, с. 180). Неудивительно, что с окончанием университета в 1913 году он был оставлен для подготовки к профессорскому званию с выделением специальной стипендии. Молодой человек тут же принялся дописывать свою книгу по теории групп. Как начинающий ученый, он не подлежал призыву на вскоре начавшуюся Первую мировую войну, эвакуировавшись вместе с частью университета в Саратов.

В 1916 году его книга «Абстрактная теория групп» вышла в свет и была удостоена премии имени Рахманинова. Среди специалистов эта книга признается первой по общей теории групп, а способ доказательства свидетельствовал о научной зрелости автора. В частности, академик П.С. Александров следующим образом оценивает вклад Шмидта в этой области: «Теорема теории групп, известная под именем теоремы Шмидта, представляет собой одну из основных теорем современной алгебры. Это теорема такого ранга и значения, которые в каждой области математики насчитываются единицами. Математика состоит из многих различных областей; в каждой из них имеется несколько фундаментальных фактов, вокруг которых концентрируются дальнейшие исследования. Теорема О.Ю. Шмидта в теории групп принадлежит именно к фундаментальным, большим открытиям, которые навсегда останутся в науке» (1959, с. 173).

Однако для осознания даже ведущими специалистами крупного открытия требуется время. Автору же этого открытия предстояло сдавать магистерские экзамены, отношение к которым среди принимающей профессуры было разным. Граве, например, считал такие экзамены в достаточной мере формальными, предпочитая, чтобы его ученики больше занимались научным творчеством. Однако другие профессора в своих требованиях нередко отличались чрезмерным педантизмом. Так, по словам Делоне, профессор «...Пфейфер требовал знания назубок шести томов Форсайта, трех томов Пикара, тома Гурса и работ Имшенецкого. Плохо было то, что надо было знать это со всеми подробностями. Я помню, когда мы со Шмидтом пришли в Саратове к Пфейферу договариваться о днях экзаменов, он сказал: “Вы не думайте знать кое-как. Например, я могу вас спросить, что сказано в примечании к 373-й странице 111-го тома Пикара. А для того, чтобы вас строже экзаменовать, я сам перед экзаменом проштудирую еще раз те вопросы, которые намерен вам задать”. Должен сказать, что в Саратове был тогда только один экземпляр курса Пикара и нам со Шмидтом удалось его перед экзаменом изъять из библиотеки. В этом памятном разговоре Пфейфер еще добавил: “Вообще, вы, молодежь, уже мните себя учеными, а между тем хорошо, если вы к сорока годам будете приват-доцентами, что же касается быть профессором, то об этом можете только мечтать”.

Шмидт держал все экзамены на два месяца раньше меня. На каком-то первом из них строгий экзаменатор хотел поставить ему «посредственно». Но Граве настоял на том, чтобы поставили «отлично». После этого вышло особое постановление совета университета о том, чтобы отметки ставил только экзаменатор. Представьте, как нам с Отто Юльевичем пришлось стараться, чтобы удачно сдать все экзамены.

Наконец, экзамены сданы. И как раз к этому времени началась реэвакуация, и мы вернулись в Киев... Вскоре Шмидт уехал в Петроград, и мы некоторое время с ним не виделись. Году в 1918 или 1919 он еще раз приехал в Киев, чтобы ликвидировать свою квартиру и вывезти в Москву какие-то свои книги; я ему помогал их укладывать. В это время Отто Юльевич был уже всецело погружен в государственную деятельность, он был тогда членом коллегии Наркомпрода и занят снабжением Москвы. В 1920 году Шмидт снова приехал в Киев, как уполномоченный по заключению хлебной конвенции с Украиной, и мы снова с ним виделись и много говорили» (1959, с. 181–182).

В этих воспоминаниях Делоне уже намечены основные события в жизни Шмидта. Прежде всего, переход от академической учебной работы к участию в административной деятельности, хотя и с применением полученных ранее знаний и опыта в чисто научной сфере. Делоне, таким образом, подтверждает своеобразную раздвоенность интересов Шмидта на чисто научную, умственную сферу, с одной стороны, и прикладную, практическую деятельность – с другой. Эта вторая его склонность позднее в Арктике вылилась в проведение целого ряда натурных экспериментов. Переход от чисто научной деятельности к практике общественной и хозяйственной жизни отражен у нескольких биографов Шмидта (Матвеева, 2006, Яницкий, 1959 и др.), причем Яницкий особо подчеркивает, что «Отто Юльевич не был кабинетным ученым: после окончания магистерских экзаменов он сразу же начал работать – в Киевском университете, где ведет занятия со студентами, и в Киевской продовольственной управе, где ему приходится иметь дело с массой населения (продовольственные вопросы в период 1916–1917 гг. были очень острыми). С этого момента до 1956 года через всю жизнь Отто Юльевича проходят органически связанные две линии работы – научная и практическая, линии, дополняющие друг друга» (1959, с. 22). Таким образом, информации Делоне и Яницкого об этом периоде жизни в биографии нашего героя совпадают.

На исходе 1916 года по прочтении двух пробных лекций Отто Юльевичу было присвоено звание приват-доцента. Вопреки мнению профессора Пфейфера, он добился его не к сорока годам, а к двадцати пяти. Однако к чтению лекций он был, согласно действующему регламенту, допущен лишь позднее, по совокупности отзывов профессоров Д.А. Граве, А.П. Котельникова и того же Г.В. Пфейфера. Об этом ректор университета любезно сообщил новоиспеченному приват-доценту в письме от 23 февраля. Успешное начало подтверждалось и премией, полученной за чтение курса лекций «Общая теория групп» в весеннем семестре 1917 года. С мая того же года Граве поручил ему также проведение практических занятий со студентами по аналитической геометрии.

Одновременно, еще с 1915 года, Шмидт возглавлял Общество преподавателей высших учебных заведений Киева, возникшее в связи с эвакуацией этих учебных заведений из Киева и работой преподавательского состава в военных условиях. «Указанная организационная работа, – писал позднее Отто Юльевич, – давала некоторое отвлечение от абстрактных научных занятий, однако меня определенно тянуло к более практической административно-общественной деятельности. Начатки делового опыта я получил еще с детства, присматриваясь к коммерческой деятельности отца» (Архив АН, ф. 496, д. 36, л. 2). Кроме того, с конца 1916 года Шмидт участвовал в организации и управлении университетским кооперативом, а в начале 1917 года поступил на службу в продовольственную часть Киевской городской управы. Это направление своей практической деятельности он оценивает следующим образом:

«В качестве старшего помощника и заместителя заведующего отделом карточной системы я имел возможность приобрести разнообразный опыт, с одной стороны управляя учреждением в 150 служащих, с другой стороны, разрабатывая формы карточной системы на муку и хлеб, включая организацию контроля над мельницами, пекарнями и лавками и участие в разработке таксы на муку и ее продукты» (Там же, л. 6).

Одновременно он отмечал, что «карточная система как средство при помощи организованного вмешательства общественной организации в дело распределения ограниченных в количестве продуктов может нормально протекать только при наличии ряда условий: условии регулярного снабжения, возможности сосредотачивания распределяемых продуктов в руках какой-то одной организации, подготовленности к этим мероприятиям масс населения и др.» (Там же, д. 58, л. 13). Таким образом, молодому, по сути, специалисту с ученым званием приходилось применять свои профессиональные познания нередко в обстановке не только неподдающегося контролю со стороны властей, но просто на фоне непрогнозируемого развития событий в государстве.

Именно к этому времени относится рассказ Делоне о деятельности Шмидта в условиях военного времени: «Уже в 1917 году Отто Юльевич стал все больше и больше втягиваться в общественную деятельность. Как-то мы с ним пошли гулять в Голосевский лес, и я его спросил:

– Почему вас так мало видно?

– А я занят организацией карточной системы в Киеве.

– Неужели вас это интересует? – спросил я.

– Да, видите ли, Борис Николаевич, во мне два человека – человек науки, ума и человек действия, воли, и эта деятельность удовлетворяет второго из них». (1959, с. 181).

Новое направление приобрела и деятельность Отто Юльевича в качестве председателя Совета младших преподавателей университета, направленная на реформирование порядков в учебном заведении. Это относилось, в частности, к составлению «Временного положения о Совете младших преподавателей Университета Св. Владимира», определявшего круг академической деятельности, средства для научной деятельности, проведение семинарских занятий, кружковой, экскурсионной и экспедиционной деятельности, а также ученых собраний разного уровня (местных, всероссийских и даже всемирных).

В дни февральской революции Шмидт взял на себя руководство киевским студенчеством через созданные им старостаты, в частности, потребовав в сложившейся обстановке переноса экзаменов на осень. Работа администрации университета все более нарушалась, начались студенческие волнения, а также ответная реакция консервативной части профессуры.

Для возвращения к нормальной университетской жизни было решено провести совместные встречи профессуры со студенчеством для обсуждения назревших проблем. Совет младших преподавателей во главе с Отто Юльевичем в создавшейся обстановке выступил со следующим заявлением: «Мы, младшие преподаватели, еще так недавно принадлежавшие к составу студенчества, в настоящие тревожные дни убедились на деле в доверии студенчества к нам. Младшие преподаватели полагают, что должны сейчас воспользоваться своим влиянием на студенчество, чтобы помочь ему сорганизоваться в формах, гарантирующих порядок в университете. Поэтому собрание решило обратиться к студентам с воззванием» (Матвеева, 2006, с. 35).

Ниже следует текст воззвания, приведенного по тому же источнику частично: «В сознании величия текущего момента государственной жизни и в связи с событиями, имевшими место в Университете Св. Владимира в последние дни, мы, младшие преподаватели университета, постановили обратиться к студенчеству с призывом: нам всем дорого счастье нашей Великой Родины; нам всем дорога наша высшая школа, которая в свободной России должна быть свободной... мы знаем, что в эти дни студенчество не может жить мыслями, отличными от мыслей народа... На глазах большинства из нас протекали 1905–1906 годы, годы беспримерно тяжелые для России и для русской высшей школы. Многие из нас тогда находились в студенческих организациях и с ними вместе пережили это время.

Бойтесь повторения крушения народных надежд! Бойтесь провокации! Помните, что большинство наших товарищей на фронте и что общая разруха подвергает их жизнь и судьбу Родины грозной и напрасной опасности! Больше спокойствия! Прекратите доступ в университет посторонним: университет нужен России как свободная школа... Помните ваш долг перед Родиной и вернитесь к своей работе, ибо она не может помешать вам оставаться гражданами. Несите в дар свободной Родине свои силы и знания». (Там же, с. 35–36).

В целом все содержание этого документа отражает стремление сохранить роль университета на службе Родине (России) перед лицом надвигающейся опасности. Необходимо отметить отсутствие в этом документе какого-либо желания превратить войну империалистическую в войну гражданскую (что резко расходилось с позицией большевиков, претендовавших на выражение воли рабочих) или стремления к украинской «незалежности», отражавшей позицию населения сельской местности.

В конце апреля 1917 года прошло объединенное заседание исполкома общественных организаций, президиумов Совета рабочих и военных депутатов и коалиционного совета студенчества. Хотя исполком вынес резолюцию о переносе срока экзаменов, а также необходимости морального, а не силового воздействия на студентов, коалиционный совет ее не поддержал. Участвовавший в этих мероприятиях Шмидт поставил вопрос об особом совещательном органе при Киевском учебном округе для выражения точки зрения младших преподавателей, но это предложение не прошло. Тем не менее семестр кое-как был доведен до конца. Потерпела неудачу попытка сместить ректора университета профессора Н.М. Цитовича (специалиста по полицейскому праву) с его поста – из-за поддержки большинства университетской профессуры. Поскольку подобным образом развивалась ситуация и в других российских университетах, Временное правительство пошло на уступки, допустив приват-доцентов к решению университетских дел с правом совещательного голоса. Однако к тому времени у Шмидта возникли собственные планы на будущее. В середине сентября 1917 года он подал прошение об освобождении его от чтения лекций и ведения практических занятий, одновременно обратившись к Граве с просьбой дать рекомендации к петроградским математикам. «Шмидт временно исчез из моих взоров», – отметил это событие его учитель. Очевидно, чтобы найти применение знаниям, полученным в университете, с отдачей уже на государственном уровне.

Глава 2

Советский чиновник

*...Грядущее темно,
Что случится – нам ведать не дано.*
У. Шекспир

*Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно – во мраке, а режсе – по радуге...*
А. Вознесенский

Единственная достойная причина для того, чтобы описывать чиновную деятельность героя книги в деталях, – необходимость объяснить, каким образом в будущем у О.Ю. Шмидта возникло желание порвать с чиновной средой и вырваться на простор творческой и исследовательской деятельности. Ведь подобное дано не каждому! Нормальный советский чиновник такого ранга гордился бы любым из руководящих постов, которые Шмидт занимал в 20-х годах. А вот он пренебрег, сбежав однажды на просторы Памира, а потом и ледяные просторы высоких широт...

Важно, что его деятельность в качестве чиновника отличалась частой сменой направлений. В этом сказалась не только поиски самого себя в годы первых лет революции и Гражданской войны, но, несомненно, и отношения с властью, как правило, непростые, и не всегда подтвержденные документами.

Отметим, что его чиновная деятельность началась в Петрограде еще при Временном правительстве. Этот период в жизни Шмидта по известным историческим обстоятельствам продолжался около полугода, но для последующей биографии сыграл немалую роль, поскольку связан с поступлением на государственную службу.

Приезд в Петербург летом 1917 года для участия в работе Всероссийского съезда по делам высшей школы, по-видимому, связан со стремлением принять активное участие в надвигающихся событиях и, прежде всего, получать информацию из самой гущи происходящего. Позднее в письме к Граве Шмидт написал: «В Питере моя жизнь вначале была отдыхом от киевской суеты последнего времени. Я никого не видел, много гулял по окрестностям, занимался философией и т. д. Осенью вновь пробудилась энергия, я стал увлекаться службой в министерстве» (Матвеева, 2006, с. 43). Хотя письмо написано в первых числах следующего, 1918 года, что интересно, никакой реакции на события июля или октября переломного для судеб страны 1917 года в нем не найти.

Однако известно, что 14 июля герой книги (видимо, с учетом предшествующей деятельности по тому же направлению в Киеве) получил должность старшего делопроизводителя по вольному найму отдела снабжения тканями, кожей и обувью Управления по снабжению предметами первой необходимости Министерства продовольствия. Тем самым бывший перспективный университетский приват-доцент оказался в цитадели российской бюрократии на переломном моменте истории страны, когда бывшим хозяевам жизни история предъявила весьма серьезные претензии. Их «погашение» на практике обычно связано с многочисленными эксцессами, нередко болезненными. Хотя герой настоящей книги и полагал, что «никакой прогресс невозможен отдельно в науке и в просвещении без прогресса политического» (из личного архива Шмидта), но рядовые участники Октябрьского переворота, даже разделяя подобные убеждения, тем не менее в чехарде событий могли и... погорячиться, чему достаточно примеров.

Когда Аничковым дворцом, где размещалось бывшее Министерство продовольствия Временного правительства, овладели победители во главе с народным комиссаром по продовольствию А.Д. Цюрупой, они не встретили готовности к сотрудничеству со стороны большинства сотрудников этого министерства – картина обычная для тех дней. В попытке остановить развитие саботажа со стороны старорежимных чиновников Шмидт составил «Обращение группы объединенных социалистов Министерства продовольствия с изложением проекта политической платформы». Суть «Обращения» – готовность сотрудничать со всеми, кто согласен с государственным регулированием экономики и продовольственного обеспечения населения вне зависимости от политических взглядов граждан. Из нашего времени подобные заявления выглядят откровенной наивностью, но в те годы подобные настроения разделялись многими российскими интеллигентами.

Через месяц после взятия Зимнего в «Правде» было опубликовано следующее заявление: «Мы, второе частное совещание, стоя на почве принятой... резолюции о необходимости немедленного возобновления занятий, постановляем немедленно практически приступить к работе и, войдя в контакт с Продовольственной комиссией СНК, с завтрашнего дня наладить и организовать текущую работу наличными силами». Прав был Наполеон, утверждавший, что путь к сердцу солдата (как и защитника революции) лежит через желудок. Несомненно, коммунисты 1917 года разделяли эту точку зрения, даже будучи не в силах накормить своих новых подданных.

Оба документа, составленных при участии Шмидта, вызвали взрыв негодования среди старорежимного чиновничества, не желавшего иметь дело с большевиками. Шмидт свою позицию объяснил так: «Я был против забастовки – и по своей политической позиции, близкой к интернационалистам “Новой жизни”, и потому, что считал политическую забастовку продовольственного ведомства вообще недопустимой, но оставаться на работе в уничтоженном ведомстве все же не хотел» (Матвеева, 2006, с. 46).

Что касается отношения самого Шмидта к большевистскому перевороту, то он выразил его следующим образом: «Я чувствовал сумбур у себя в голове, не мог охватить всей совокупности явлений... Я встретил Октябрьскую революцию с радостью...», однако «...до Октябрьской революции я еще не созрел... у меня не было опыта работы с массами, я плохо понимал силу масс». Признания, надо прямо сказать, нетипичные для пламенного революционера и верного ленинца, каковым он, очевидно, и не был. Скорее, он относился к тем членам РСДРП, у которых, по Бердяеву, «...отношение к представителям интеллигенции, писателям и ученым, не примкнувшим к коммунистам, было иным, чем у чекистов: у них было чувство стыдливости и неловкости в отношении к теснимой интеллигенции в России».

В Наркомате продовольствия Совета Народных Комиссаров Отто Юльевич становится начальником Управления по продуктообмену, занимаясь практически тем же самым, что и при Временном правительстве. Теперь в его положении было не до проблем высшей математики, требовалось овладеть «боевым оружием алгебры революции» (из личного архива Шмидта). В отличие от героя светловской «Гренады», вместо того, чтобы постигать «грамматику боя, язык батарей», этот интеллигентный «попутчик», похоже, оказался еще и неисправимым романтиком. Но это не мешало ему собирать статистические сведения и обобщать их по отдельным регионам для принятия соответствующих решений не слишком опытными представителями новой власти как в центре, так и на местах.

Вместе с СНК в марте 1918 года он переезжает из Петрограда в Москву, где окончательно связывает свою судьбу с советской властью – судя по документу, впервые опубликованному И. Дуэлем: «В момент Октября у меня не было предвидения силы победившего пролетариата, но было достаточно образования в этой области, чтобы понять историческую закономерность явлений. В таком положении, в каком очутился я, было еще несколько товарищей... которые образовали группу социал-демократов-интернационалистов... В марте 1918 года на очередном

съезде этой небольшой партии произошел раскол и образовалась группа левых интернационалистов, в которую вошел и я. Затем создавалась организация, которая называла себя “ЦК”, но, кроме членов ЦК, в этой партии не особенно много было людей. Эта левая группа приняла программу РКП и никакой другой программы РКП не противопоставляла, оставляя, правда, за собой право расходиться по тактическим вопросам, но расхождений у нас никаких не было. Настоящий ЦК смотрел на нас так: ребята там дурят, но ребята хорошие... Стало ясно, что такая группа ни к чему... Поэтому был поставлен вопрос о слиянии с РКП... Мы были приняты в коммунистическую партию, и ввиду того, что выполняли все поручения ЦК и никакой другой программы не пытались ему противопоставлять, то нам зачли весь стаж пребывания в партии левых интернационалистов» (1977, с. 50–51). С любой точки зрения членство в партии помимо первичной партийной ячейки ставило Шмидта в глазах многих коммунистов в положение «попутчика». Не случайно соратник Отто Юльевича по Главсевморпути М.И. Шевелев отметил, что позднее, в условиях 30-х годов «Шмидт... не очень хорошо себя чувствовал. Он ведь до революции был в группе социал-демократов – интернационалистов – это была крупная группа интеллигенции, примыкавшая к Горькому» (1999, с. 92). Нет оснований обвинять Шмидта в стремлении приобщиться к победителям из карьерных соображений, поскольку сами победители в то время таковыми себя не чувствовали – вплоть до поражения Колчака и Деникина.

С переездом в Москву Шмидт начал проработку постановления Совнаркома об эквивалентном товарообмене. Он наглядно продемонстрировал в своих работах специфику ситуации, сложившейся в разгар Гражданской войны: «Крестьяне, не получая мануфактуры, плугов, гвоздей и прочих предметов первой для них необходимости, разочаровываются в покупательной силе денег и перестают продавать свои запасы, предпочитая хранить вместо денег хлеб... Товарообмен уже и теперь повсеместно происходит в связи с мешочничеством. Прекратить этот стихийный процесс можно лишь одним способом, организуя его в масштабе государственном и тем превращая из средства дезорганизации продовольственного дела в могучее орудие его успеха» (Матвеева, 2006, с. 50). Однако на практике ведущая роль в товарообмене тех лет принадлежала командирам продотрядов, не изучавшим разработок Шмидта и руководствовавшимся революционной целесообразностью, усугубляя взаимную ненависть между городом и деревней.

На практике это означало, что не слишком компетентные представители советской власти на местах кое-как распределяли предназначенные для товарообмена ценности среди горожан, а крестьянам предпочитали продавать за деньги, обесценивавшиеся с каждым днем. На фоне отсутствия самого необходимого прибывшие по железной дороге вагоны с товарами не разгружались месяцами, а затем грузы нередко оказывались в кооперативных или частных распределительных пунктах. Реагируя на сложившуюся обстановку, ВЦИК и СНК приняли целый ряд постановлений (9 мая 1918 года декрет о введении продовольственной диктатуры, а 27 мая – о специальных органах снабжения). 11 июня 1918 года последовал декрет о создании в деревне комитетов бедноты 6 августа 1918 года – «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» с введением продразверстки и использованием вооруженных продотрядов: мероприятие, которое сельское население восприняло как попытку ограбления со стороны большевиков.

Шмидт, как член коллегии Наркомата продовольствия (которым он стал 3 сентября 1918 года), считал, что неизбежное принуждение крестьянства к изъятию хлеба «...должно носить характер государственной повинности, передающей в распоряжение государства излишки сельскохозяйственных продуктов... Хлебная монополия есть первый подход к осуществлению социалистического принципа на земле. На хлебную монополию нужно смотреть не только как на теоретическое, но и как на практическое требование момента» (Архив Академии наук СССР, ф. 496, оп. 2, д. 87, л. 1). Однако практика продотрядов оставалась иной, а сами участ-

ники этих операций воспринимали идеи, вроде приведенных, в лучшем случае как «интеллигентские благоглупости», мешающие им в повседневной работе во имя победы мировой революции. Шмидт уже в ту пору умел вскрывать противоречия в теории и практике, что далеко не всегда устраивало народ и власть. Он писал: «На этой почве создавались недовольства, внешне выразившиеся в ряде местных восстаний... Курс в пользу крестьянства, а результаты не в его пользу... Политика советской власти потерпела фиаско, так как несомненное противоречие налицо». (Там же, л. 2–7). Надо было делать выводы, как советской власти, так и крестьянству, а заодно и герою настоящей книги.

Еще одна попытка решить продовольственную проблему была предпринята партией через кооперацию и вновь директивными методами. Кооперацию декретом СНК от 20 марта 1919 года подчинили Наркомату продовольствия. По Шмидту, «...целью декрета 20 марта было осуществление тех организационных форм, в которых созданный кооперативным движением капиталистической эпохи аппарат мог бы продолжать нести полезные функции и принять на себя определенную часть хозяйственных заданий государства, в том числе все дело распределения продуктов... Мы не смотрим на кооперацию как на то яйцо, из которого именно и получится социализм, но видим в ней высокоценную форму, которая еще долго будет полезна... Надо смотреть правде прямо в глаза и точно сознавать, что то, что есть, всегда встречает недоверие со стороны всех, кто привык к другому порядку... Со стороны кооператоров мы слышим общее недовольство, вполне понятное, ибо то дело, которое они строили много лет, как-никак меняет свой облик в результате всей русской истории, войны и обеих революций... Всеобщее кооперирование, ставшее фактом, теперь становится общим организационным принципом и становится законом» (Экономическая жизнь, № 61, 20 марта 1920 года).

Еще раньше, в январе 1920 года, Ленин провел совещание по вопросу о кооперации при участии как партийной верхушки (Дзержинский, Бухарин, Каменев и т. д.), так и деятелей, непосредственно отвечавших за положение с продовольствием (Цюрупа, Брюханов и др.).

В своем докладе «О роли кооперации» Шмидт предлагал рассматривать ее как часть советского строительства, «приспособленную к вовлечению широких масс населения в дело осуществления хозяйственных задач как в деле распределения (в первую очередь), так и в деле заготовок... с дальнейшим овладением кооперацией путем увеличения партийного влияния во всех кооперативных организациях, с одной стороны, и путем слияния с потребительской кооперацией (кредитной, сельскохозяйственной и т. д.) – с другой» (Архив АН СССР, ф. 496, оп. 2, д. 89–95, л. 2–5). Отказаться от возможностей кооперации при существующем отчаянном положении, как предлагали иные партийцы, он считал «диким легкомыслием». Однако потребовалось слияние кредитной кооперации с потребительской в одном государственном учреждении – Центросоюзе, поскольку, по Шмидту, одна только «...кооперация не справилась с возложенной на нее задачей, но это было самое лучшее, что могло сделать государство; не было такого аппарата, которому можно было бы поручить дело распределения, тем более в момент острого кризиса» (ф. 496, оп. 1, д. 277, л. 8.). Увы, факт остается фактом – идея российской кооперации в ее первоначальном виде потерпела под натиском различных сил и влияний поражение, а вместе с ними и Шмидт – в своих попытках увязать советскую действительность эпохи Гражданской войны с реальными запросами голодающего населения, как партийного, так и не состоящего в партии. В результате активность одного из ведущих теоретиков той поры в области продовольственного обеспечения страны, изнемогавшей в муках братоубийственной Гражданской войны, во многом оказалась обесцененной. Ожидать иного на фоне смены фронтов и зон влияния красных и белых, при «самообеспечении» войск обеих сторон (в зависимости от обстановки то в виде реквизиций, а то и элементарного грабежа), при отсутствии необходимой статистики и т. д. едва ли оправдано. Возможно, этим и объясняется переход Шмидта в Наркомат финансов Совнаркома.

Он стал членом коллегии этого Наркомата 20 апреля 1920 года, возглавляя одновременно с августа того же года налоговое управление. Гражданская война шла к завершению. Советы, потерпев военную неудачу под Варшавой, задумывались перед открывающейся мирной перспективой, хотя Врангель еще пытался изменить ситуацию в свою пользу на нижнем Днестре и в Таврии. Это были уже последние конвульсии Белого движения. Гражданская война для обессилевшей страны завершилась своеобразным военно-политическим клинчем при формальной победе красных, в лагере которых оказался и герой настоящей книги. На развалинах бывлой России ему предстояло найти себе достойное дело под стать собственным возможностям и амбициям, устроиться в новом обществе, целью которого была мировая революция под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» А пока окружающая реальность выглядела жутко:

...За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами – города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды...

Автор этих строк Николай Тихонов рисует картины деградации одной из богатейших стран мира как следствие только что завершившейся Гражданской войны:

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;
Пересчитай людей моей земли —
И сколько мертвых встанет в переключке.

В 1921 году, принеся несчастной стране очередные испытания (восстания в Кронштадте и на Тамбовщине, голод в Поволжье, обошедшийся в миллионы жизней), Шмидт возглавляет созданный еще в 1919 году в системе Наркомфина Институт экономических исследований. Он, таким образом, работает строго по своей специальности – в качестве исследователя сложившейся в стране тяжелой экономической и финансовой ситуации. Стоявшая перед советской властью (и Шмидтом) дилемма требовала, с одной стороны, «невинность соблюсти» по части намеченных «конечных целей», то есть мировой революции, а с другой – «и капитал приобрести», предоставив населению возможность восстановиться в условиях НЭПа хотя бы на физиологическом уровне. Народу грозило вымирание... По Шмидту, тогда требовалось стремление к «выгодности для государства во взаимоотношении с частным хозяйством, откуда берет начало принцип платности и стремление к коммерчески безубыточной постановке государственных предприятий» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 175, л. 1–7).

В обстановке, когда нарушены все производственные связи, отсутствует сырье, разогнан и уничтожен квалифицированный персонал, Шмидт считал, что «...нужно создавать прежде всего рынок, спрос и интерес к своим изделиям, так всегда делали предприятия частной инициативы, которые торговали первое время в убыток, чтобы создать себе имя и приобрести покупателей... Уравновесить бюджет страны можно только путем сокращения расходов на управление и оборону, разбухших канцелярий, которое компенсируется улучшением положения служащих, лишних аппаратов» (д. 98, л. 8–9). Как к подобной перспективе могла отнестись еще юная командно-административная система, ценящая собственное благополучие выше блага

трудового народа и той же мировой революции? Ответа на этот вопрос ждать не приходилось, и Отто Юльевич сформулировал еще один «простенький» вывод: «Размер самой платы должен гарантировать безубыточность хозяйственной деятельности государства и давать излишек, доход на покрытие необходимых нехозяйственных расходов (управление, оборона)...» (д. 175, л. 8). Что касается распределения доходов, то Шмидт предполагал большую самостоятельность на местах, полагая, что такая децентрализация будет способствовать восстановлению экономики в регионах. Более того, по его мнению, «...давая свободу частному капиталу, государство не должно стеснять свободы передвижения денег... Поскольку государство заинтересовано в развитии некоторых сторон частного хозяйства, оно должно, в особенности в первое время, помочь ему кредитом» (Там же).

Как специалист, Шмидт понимал, что одной из узловых проблем сложившейся обстановки в хозяйственной жизни страны является денежная эмиссия и связанные с ней явления. Выступая 23 ноября 1922 года в Коммунистической академии перед аудиторией, пришедшей в застиранных гимнастерках и заношенных кожанках, и несмотря на усталость и раны фронтовых лет, мысленно ориентированной со всем пылом пассионарности на мировую революцию, Шмидт начал с небольшого исторического экскурса:

«Законы денежной эмиссии теоретически очень мало изучены, экономическая наука прошлого периода ограничивалась описанием вреда, проистекающей от эмиссии, да легкими советами, как после прекращения эмиссии восстановить “нормальную” денежную систему.

Эти исследователи смотрели на эмиссию как на преходящую тяжелую болезнь народного хозяйства, но патологией этого явления не интересовались.

Между тем большим государствам не раз приходилось много лет жить в условиях эмиссии. Самым знаменитым примером – до нашей эпохи – была французская революция, в течение которой бумажные деньги оказались обесцененными в 300 раз. Советская Россия показала пример гораздо более изумительный: эмиссия привела к падению рубля в 10 000 000 раз, не вызвав тем не менее государственного банкротства...

Несомненно, что мы не должны в период эмиссии приостанавливать теоретические работы до восстановления рубля. Период эмиссии длится долго, за это время проводятся крупнейшие реформы, происходят колоссальные сдвиги в народном хозяйстве. Нельзя не поставить себе задачи изучения законов эмиссии как для лучшей ориентировки в современности, так и для большей стабилизации денежной единицы... Мы делаем попытку применить к эмиссии те приемы и методы, которые усвоены математической физикой. Исходя из убеждения, что такие массовые явления, как, например, цены во время эмиссии, несмотря на колебания отдельных сделок, подчиняются в общем и среднем доступным точному изучению, мы ставим себе задачей обнаружить в форме точных математических законов зависимость эмиссии от тех или иных факторов, в первую очередь зависимость эмиссии от времени, характер того неизменного непрерывного роста эмиссии, который мы наблюдали».

Актуальность этой работы, опубликованной первоначально в «Вестнике Коммунистической академии», в книге 3 за 1923 год, подтверждается перепечаткой в сокращенном варианте в сборнике «Экономика и математические методы» в 1989 году (т. 25, вып. 1, с. 47–48), в эпоху перестройки и грядущего возвращения страны в капитализм.

Не случайно реакция властей предрежащих на выводы, оценки и рекомендации Шмидта, мягко говоря, оказалась неоднозначной. Так, Е.А. Преображенский назвал доклад Шмидта «сплошными парадоксами», считая его предложения более грубыми, чем его же экономический анализ. Другой его критик, В.А. Базаров, отметил, что работа Шмидта «не может дать никаких практически ценных указаний эмиссионной деятельности Наркомфина, чем, однако, ничуть не подрывается ее теоретический интерес» (Прения до доклада Шмидта. Вестн. Ком. академии, 1923, т. 3, с. 262). Правда, известный экономист и математик Е.Е. Слуцкий поддержал Шмидта, как и Л.Н. Крицман, посчитавший, что докладчик «...сделал полезное дело, за

которое мы должны быть ему благодарны». Тем, по сути, дело и ограничилось, а со временем, по мнению Л.В. Матвеевой (2006), работа Шмидта оказалась забытой.

Теоретизирования Шмидта в области как продовольственных дел, так и финансов, при всей его готовности использовать математический аппарат, не привели к какому-либо прорыву на указанных направлениях. Определенно Шмидт на этом этапе своей деятельности не встретил понимания у правящей советской элиты, одновременно обнаружив определенную склонность к конфликтности. В верхах партийного и государственного руководства той поры ценилось пролетарское происхождение и набирало силу сталинское окружение, не склонное к излишнему теоретизированию. К сожалению, в опубликованных работах герой книги не делится своим отношением к представителям власти и не дает оценок происходящих событий.

Так или иначе, его обращение к прикладной науке не случайно. В первую очередь это относится к работе Шмидта в Главном комитете профессионально-технического образования (Главпрофобр), целью которого была подготовка необходимой квалифицированной рабочей силы, в значительной мере потерянной на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. В состав этого комитета входили такие видные специалисты, как О.Г. Аникст, Ф.В. Ленгник, В.Г. Козелев, А.И. Скворцова. Срочно требовалось провести реформу школы, состояние которой нашло отражение в художественной литературе («Республика Шкид» Белых и Пантелева, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Два капитана» Каверина и т. д.). Читателю понятно, какие огромные усилия требовалось приложить, чтобы изменить ситуацию к лучшему. Выработка конкретных мер ложилась именно на Главпрофобр и, в частности, на заместителя главы комитета в лице Шмидта, который распоряжением Ленина одновременно становился и членом коллегии Наркомпроса, приобретая тем самым весьма широкими полномочиями. Свои взгляды на предстоящую деятельность Шмидт изложил следующим образом: «Необходимо покрыть всю Россию сетью таких техникумов в соответствии с экономическими условиями каждого района. В 1920 году должно быть положено начало этому делу в виде учреждения техникумов по основным специальностям в крупнейших центрах провинции и в Петрограде, с одновременным пересмотром существующих (в частности, в Москве) и закрытием нежизнеспособных... Ряд практических (нужды хозяйства в ближайшие десятилетия) и теоретических соображений заставляют Главпрофобр не довольствоваться политехническим образованием юношества, а стремиться к созданию различных форм школ с профессиональным уклоном и серьезным изучением определенной специальности» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 103, л. 3–4).

На этот раз ему оппонировали более суровые критики в лице А.В. Луначарского, Н.К. Крупской и некоторых других партийных и государственных деятелей, выступавших за более широкое политехническое образование и поддержанных Лениным. К нему, как к верховному судье, нередко апеллировали противники Шмидта в лучших традициях командно-административной системы. Точку зрения Шмидта разделял лишь Г.Ф. Гринько, нарком просвещения Украины, остававшийся его верным союзником. Постепенно из хаоса самых необходимых исходных понятий и позиций в процессе дискуссий по вопросу о подготовке трудовых кадров определились два направления: 1) профессиональное во главе со Шмидтом и Гринько и 2) политехническое с трудовым, возглавляемое Луначарским, Крупской и З. Лилиной.

Отстаивая свою точку зрения, Отто Юльевич говорил, что при подходе к делу его оппонентов «...вузов хватит только для небольшой части населения, а остальным приходится вступать прямо из средней школы в жизнь. Поэтому, провозглашая этот принцип, мы обеспечиваем лишь интересы меньшинства (практически детей интеллигенции) и остаемся равнодушными к судьбе огромного большинства учащихся... Трудовой принцип осуществлен, только дети ничего не делают» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 106, л. 3, 8). Читатель, очевидно, отметит актуальность этих строк девяносто лет спустя...

В полной мере столкновение мнений произошло на партийном совещании в первых числах 1921 года, где Шмидт выступил с двумя докладами «О задачах профессионального обра-

зования» и «О высшей школе» с собственной концепцией, целью которой было: «1) выработать вполне развитых людей, владеющих научными методами и способных к социалистическому строительству, 2) подготовить молодежь к практической работе в этом строительстве» (там же), что приходило в противоречие с программой РКП(б), утверждавшей, что «общее образование должно доходить до 17 лет, потому что это минимальный возраст, при котором мы можем сделать человека гражданином и коммунистом». Столкновение, таким образом, было неизбежным, и для начала ему предшествовала резкая реакция Ленина на результаты совещания: «Гринько, видимо, пересобачил до глупости, отрицая политехническое образование (может быть, частью и О.Ю. Шмидт). Исправить это... Временную меру, вызванную нищетой и разорением страны, Шмидт пытался возвести в принцип. Выступая в печати против политехнического образования, он ратовал за монотехническое...» (т. 42, с. 230). Резкий «обмен любезностями» продолжался и далее, причем высказалась в «Правде» (за 23 февраля 1921 года) и Крупская, критиковавшая Шмидта с его мнением, что «трудовая политехническая школа весьма пригодна для украшения программы коммунистической партии, но в жизнь ее провести нельзя и надо поставить на ней крест». Крест, однако, был поставлен на работе Отто Юльевича в Главпрофобре после того, как Крупская в «Правде» от 8 марта задалась вопросом и сама же на него ответила: «Имел ли право Шмидт выступать на совещании учителей г. Москвы против трудовой и политехнической школы? Он не имел права».

Похожая ситуация повторилась и по результатам деятельности Шмидта на поприще вузовского образования, которое находилось в не менее плачевном состоянии, чем школьное. В одном из писем того времени В.И. Вернадский так оценивал его положение: «Идет окончательный разгром высших школ: подбор неподготовленных студентов рабфаков, которые сверх того главное время проводят в коммунистических клубах. У них нет общего образования, и клубная пропаганда кажется им истиной. Уровень требований понижен до чрезвычайности – университет превращается в прикладную школу. Политехнические институты превращаются фактически в техникумы. Понижение образования чрезвычайное и объясняется “демократизмом”». (Н.М., 1989, № 12, с. 208).

Планы Главпрофобра предусматривали также реформу высшей школы применительно к нуждам народного хозяйства в специалистах высшей квалификации на основе реформы высшего образования, которую проводил ГУС – Государственный ученый совет, учрежденный еще в феврале 1919 года. Шмидт также вошел в состав этой организации, причем возглавив научно-техническую секцию.

По мнению Шмидта, целью «...завоевания высшей школы политически» было обеспечение революционной направленности в ее работе, политического воспитания всех студентов, а также подготовки специалистов из среды пролетариата.

Этим критериям, разумеется, не отвечала старая университетская школа с ее претензией, по Шмидту, «давать “строгое научное” образование при полном игнорировании того, что 99 % выходили из школы не в научную работу, а в ту или иную практическую. Благодаря полному отрыву от жизни при этом и сама наука превратилась в мертвую схоластику. Этот порок не только губил прежние университеты (особенно математический и филологический факультеты), но и царил в других высших учебных заведениях, вплоть до технических... Искореняя этот порок, нельзя, однако, просто превратить высшую школу в чисто практическую, ибо задача подготовки ученых в различных отраслях науки и преподавателей из тех же высших школ есть не менее важная задача, без решения которой и практика немедленно измельчает и остановит свой прогресс. Правильный выход заключается в принципиальном разделении обеих задач: подготовка массового работника – специалиста и подготовки научного работника-исследователя... Необходимо развивать и те и другие, причем создавать вузы с большой осторожностью лишь там, где имеются научные работники и научные лаборатории, а техникумы созда-

вать возможно энергичнее, где только есть достаточные кадры преподавателей-практиков и практическое оборудование» (Архив АН, ф. 496, оп. 2, д. 108, л.1).

Похоже, что ветры и пафос революции настолько захватили Отто Юльевича в период написания этого документа, что в стремлении порвать с прошлым и оказаться в светлом будущем он, мягко говоря, «перегнул палку» или, используя выражение Ильича, «пересобачил». Ведь по гимназическим учебникам Киселева и многих других училось не одно поколение советских школьников, а дореволюционные издания «Просвещения» широко использовались в учебниках по географии и биологии советского времени, не говоря уже о заимствованиях из гимназического географического атласа Э.Ю. Петри. Одним словом, Отто Юльевич, высказываясь о высшем образовании на раннем советском этапе его становления, погорячился... но в меру, – с кем не бывает.

Пока же для школьников и студентов, которым предстояло строить новую жизнь, надо было срочно решать проблему новых учебников, что вызывало у самого Шмидта массу вопросов: «Ждать ли, пока они будут написаны? Предоставить школе и вузам питаться остатками старых или дать учебники, хоть частично политически исправленные и обновленные?.. Мы знали, что нас будут за это ругать, и нас действительно ругали. Тем не менее я убежден, что мы были правы – благодаря этому выпуску в 1922–1923 гг. школьная жизнь воскресла, вновь начались правильные занятия. А теперь, конечно, нужен дальнейший шаг – от компромиссных учебников перейти к действительно новым, вполне отвечающим задачам школы» (Петров, 1959, с. 145–146).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.